

Шавеко Н.А. Правовое государство и верховенство права: эволюция двух доктрин в контексте выработки новой историографической модели политико-правовых знаний // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 115-130. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_115

УДК 342.72

DOI 10.17506/26867206_2024_24_3_115

Правовое государство и верховенство права: эволюция двух доктрин в контексте выработки новой историографической модели политико-правовых знаний

Николай Александрович Шавеко

Институт государства и права Российской академии наук

г. Москва, Россия

E-mail: shavekonikolai@gmail.com

*Поступила в редакцию 26.08.2024, поступила после рецензирования 09.09.2024,
принята к публикации 10.09.2024*

В статье рассматриваются две теоретические проблемы, связанные с доктринами правового государства и верховенства права. Первая проблема касается соотношения этих понятий. Автор статьи доказывает, что различия между ними зачастую преувеличены и не существенны с нормативной точки зрения. Вторая проблема – вклад российской юриспруденции дореволюционного периода в развитие доктрины правового государства. В статье анализируются основные идеи отечественных правоведов и дается их оценка с учетом современного состояния философии и теории права. Подчеркивается, что идея правового государства получила

© Шавеко Н.А., 2024

на отечественной почве оригинальное развитие, при этом многие теории остаются актуальными и прогрессивными даже сегодня. Так, понимание верховенства права как относительной идеи, подчиненной более высокому нравственному идеалу, позволяет: 1) не смешивать идеал правового государства с другими идеалами, придавая ему специфический (формальный) смысл; 2) увидеть возможности социального регулирования не только с помощью права и других нормативных регуляторов, но и принципиально иных средств; 3) теоретически обосновать допустимость несоблюдения права в отдельных случаях, не прибегая к нечетким определениям «неправового» закона. При более широком (содержательном) понимании правового государства интерес представляет трактовка отечественными мыслителями прав человека как средства духовного развития личности, а не изоляции от общества и потакания любым индивидуальным желаниям. Теоретическую основу исследования составляют отечественные и зарубежные научные труды по верховенству права и правовому государству. Основным методом выступает обобщение, что позволяет продемонстрировать общее направление эволюции рассматриваемых доктрин и выявить схожие идеи у разных авторов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью защиты истории правовой мысли от разного рода идеологических искажений. Кроме того, изучение российской традиции философско-правовой мысли позволяет обеспечить культурную преемственность, имеющую значение для выработки консолидирующей национальной идентичности.

Ключевые слова: правовое государство, верховенство права, правовой идеал, естественное право, социальное государство, права человека, право на достойное существование, национальная идентичность, православие

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Rechtsstaat and Rule of Law: Evolution of Two Doctrines in Context of Developing a New Historiographical Model of Political and Legal Knowledge

Nikolai A. Shaveko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: shavekonikolai@gmail.com

Received 26.08.2024, revised 09.09.2024, accepted 10.09.2024

Abstract. The article examines two theoretical issues related to the doctrines of Rechtsstaat and rule of law. The first issue concerns the relationship between these concepts. The author of the article argues that the differences between them are often exaggerated and are not significant from a normative perspective. The second issue addresses the contribution of Russian pre-revolutionary jurisprudence to the development of the Rechtsstaat doctrine. The article analyzes the main ideas of Russian legal scholars and evaluates them in the light of the current state of legal philosophy and theory. It is emphasized that

the idea of Rechtsstaat has taken a unique form in Russia, with many theories remaining relevant and progressive even today. Thus, Russian thinkers' understanding of the rule of law as a relative concept, subordinate to a higher moral ideal, allows for the following: 1) distinguishing the ideal of Rechtsstaat from other ideals by giving it a specific (formal) meaning, 2) recognizing the potential for social regulation not only through law and other normative regulators, but also by totally different means, and 3) providing theoretical justification for the violation of law in certain cases, without resorting to vague concept of "lawlessness". With a broader (substantive) understanding of Rechtsstaat, Russian legal scholars' interpretation of human rights as a means of personal development, rather than as a tool for isolating individuals from society and indulging any of their desires, is of interest. The theoretical basis of the study is formed by both domestic and foreign research on the rule of law and Rechtsstaat. The primary method is generalization, which allows demonstrating the general direction of the evolution of the doctrines under consideration and identifying similar ideas among different authors. The relevance of the research stems from the need to protect the history of legal thought from various ideological distortions. In addition, the study of the Russian tradition of philosophical and legal thought ensures cultural continuity, which is important for the development of a consolidating national identity.

Keywords: Rechtsstaat, rule of law, legal ideal, natural law, welfare state, human rights, right to a decent life, national identity, Orthodoxy

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the form of subsidies from the federal budget for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2024-639, dated July 12, 2024).

For citation: Shaveko N.A. Rechtsstaat and Rule of Law: Evolution of Two Doctrines in Context of Developing a New Historiographical Model of Political and Legal Knowledge, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 115-130. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_115

Правовое государство и верховенство права: сходства и различия

В последние десятилетия многие мыслители обращаются к проблеме соотношения доктрин правового государства и верховенства права¹. Несколько докладов на эту тему подготовила Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия)². Общепринятой является точка зрения, согласно которой принципы правового государства и верховенства права не совпадают: «...государство с верховенством права не является правовым государством автоматически и наоборот» (Шарандин, Кравченко 2013: 305). Но в то же время отмечается конвергенция данных понятий на современном этапе (Зорькин 2013: 32; Недзел 2013: 109; Дедов

---

¹ Более подробно см.: (Ударцев, Темирбеков 2015).

² См., напр.: Доклад о верховенстве права, утвержденный Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25–26 марта 2011 г.) // Venice Commission. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2011)003rev-rus) (дата обращения: 24.08.2024).

2013: 261-263). В связи с этим возникает вопрос о сходствах и различиях между ними. И оказывается, что ответ совсем не очевиден. В первую очередь потому, что «до сих пор не сформулировано общепризнанное определение ни правового государства, ни верховенства права» (Виноградов 2013: 374). Авторы использовали данные понятия в различных контекстах и смыслах. Но даже в этом случае, на наш взгляд, можно выявить вкладываемое в них значение, осуществив тем самым сравнительный анализ самих понятий.

Принято считать, что доктрина правового государства зародилась и получила распространение в странах континентальной правовой семьи (прежде всего, в Германии), где основным источником права выступает закон, тогда как доктрина верховенства права – в странах англосаксонской правовой семьи (Великобритания), где таким источником считается судебный прецедент. Поэтому в первом случае право понимается сугубо как продукт государства, во втором предполагается, что оно существует как бы независимо от государственной воли. Соответственно, правовое государство обычно трактуется как идеал государства, ограничивающего себя правом, тогда как верховенство права – идеал, где государство ограничено внеположным ему правом.

Однако представляется, что такое разграничение не вполне корректно и не позволяет увидеть общность двух идеалов. Прежде всего, неверно противопоставлять доктрины правового государства и верховенства права как исходящие соответственно из позитивистского и юснатуралистского (или иного непозитивистского) понимания. Так, например, законодательный и судебский корпус можно рассматривать как части государственной машины, создающей право (тогда обе доктрины укладываются в рамки позитивизма). В то же время можно говорить о существовании некоего правового идеала, которым должны руководствоваться законодатели и судьи (в этом случае доктрины существуют в рамках естественно-правовой традиции). И при парламентском, и при судебском правотворчестве прослеживается влияние объективных факторов, с которыми правотворец должен считаться, а также роль обычая как источника права (тогда доктрины приобретают социологическое измерение). Наконец, в узком смысле под государством можно понимать только исполнительную (административную) власть, тогда закон и судебный прецедент выступают как ее внешние ограничители и в этом смысле противопоставляются ей.

Рассматриваемые доктрины отличаются скорее тем, что в континентальной правовой семье мы можем отождествить правовые нормы с волей конкретного законодателя, тогда как в англосаксонской семье право хотя и создается волей судей (наряду с законодателем являющихся агентами государства), но эта воля рассредоточена между бесчисленным количеством правотворческих субъектов (судей) прошлого и настоящего.

Из сказанного следует, что различия между доктринами правового государства и верховенства права, вытекающие из особенностей правовых семей, касаются скорее описания сущего (процесса правотворчества), чем представлений о должном. А попытки (свойственные, как правило, исследователям из стран англосаксонской правовой семьи) разграничить эти

доктрины по критерию признания или непризнания неотчуждаемых (то есть не просто дарованных государством, но и объективно существующих) прав человека (Недзел 2013: 120, 123, 125; Крайгир 2013: 472-478) некорректны. Неверно, в частности, представлять континентальную традицию как господство позитивизма, а англосаксонскую – как радикальное противопоставление права и государства. В действительности противопоставление естественного и позитивного права свойственно как английским, так и континентальным мыслителям Нового времени. Конечно, буржуазно-демократические революции и появление выдающихся мыслителей, отстаивавших идеалы модерна, происходили в разных странах не одновременно. Однако, в сущности, речь идет об общеевропейской траектории развития правовой мысли. Соответственно, обе рассматриваемые доктрины изначально отличались скорее описаниями процесса правотворчества, а не сущностными идеалами.

Стоит также заметить, что определенные представления о должном касаются самого процесса правотворчества, то есть могут разворачиваться дискуссии относительно достоинств и недостатков романо-германской и англосаксонской правовых семей. Отсюда проистекает, с одной стороны, критика прецедентной системы как непрозрачной, с другой – защита ее как более гибкой и предсказуемой (Недзел 2013: 125-126). Однако вряд ли подобные споры о надлежащих способах правотворчества относятся непосредственно к доктринам правового государства и верховенства права.

Схожей выглядит эволюция идеалов правового государства и верховенства права. Изначально в Новое время доминирующее положение заняли политические идеалы свободы и равенства, а также ограничения государственной власти, что демонстрируют в своих работах Дж. Локк, И. Кант и др. Поэтому, когда в начале XIX в. закрепился термин «правовое государство», он использовался в качестве условного обозначения либеральной программы реформ монархического государства (Mohl 1866; Крайгир 2013: 484-485); «смысл и функция принципа Rechtsstaat заключались в оберегании и защите индивидуальных свобод посредством позитивного права» от произвола монарха (Тидеманн 2013: 272-273). Однако после поражения революции 1848 г. значение термина изменилось: он обозначал уже не идеал независимости личности, а формальное следование закону, что соотносилось с доминировавшим в то время позитивистским правопониманием (Stahl 1878). И лишь опыт национал-социалистического режима, по общему признанию, вновь заставил задуматься о включении в понятие правового государства содержательного компонента в виде неких объективных фундаментальных прав, закрепленных в конституции (Грот 2013: 242-249).

По некоторым оценкам, особым пиететом к закону, принятому парламентом, отличалось французское понимание правового государства (*État de droit*). Это связывается с популярностью республиканской традиции, идущей от Ж.-Ж. Руссо, который видел в законах (принятых, однако, напрямую, а не через парламент) выражение «общей воли», призванной ограничивать административную власть. Очевидно, что во главу угла ставились не индивидуальные права, а народный суверенитет, и через него легитимировалось

верховенство позитивного закона (Тидеманн 2013: 272-273). Однако, как отмечают исследователи, «политические превратности первой половины XX века продемонстрировали, что парламентские статуты более не обеспечивали твердокаменную основу для верховенства права в республиканской традиции» (Грот 2013: 251), поэтому после Второй мировой войны французские правоведы также вышли за рамки юридического позитивизма.

Что касается верховенства права, то утверждается, что с конца XVII в. оно основывалось на идее фундаментальных прав, но по мере развития юридического позитивизма и статутного нормотворчества стало все больше ассоциироваться с определенными формальными характеристиками закона (Harden, Lewis 1986: 32-33). Ситуация изменилась лишь после 1945 г. (Грот 2013: 254).

Таким образом, доктрины правового государства (в немецком и французском вариантах) и верховенства права прошли схожий путь от узкого (формального) к широкому (содержательному) пониманию (Пффордтен 2013: 445). И хотя в этом содержательном идеале континентальная традиция, в отличие от англосаксонской, сегодня придает ключевое значение понятию человеческого достоинства (Пффордтен 2013: 451), данное отличие является скорее терминологическим, поскольку обе доктрины исходят из принципа нормативного индивидуализма и создания возможностей для самореализации личности (Пффордтен 2013: 443-444; Виноградов 2013: 375).

Вклад отечественной юриспруденции: формализм и относительность в понимании правового государства

Доктрина правового государства активно осмыслялась в отечественной юриспруденции дореволюционного периода. Практически все известные правоведы – П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, И.А. Ильин, Н.Н. Алексеев, В.М. Гессен, С.И. Гессен, Г.Ф. Шершеневич, С.А. Котляревский, Ф.В. Тарановский и другие авторы – высказывались по данной теме. В связи с этим возникают вопросы: в чем именно заключается их оригинальный вклад в развитие доктрины правового государства; насколько актуальны их идеи в настоящее время?

Рассмотреть взгляды каждого ученого на правовое государство в рамках одной статьи невозможно, тем более это уже сделано во многих других исследованиях. Поэтому мы сосредоточимся на выделении общих черт российского правоведения дореволюционного периода. Прежде всего, следует отметить «приоритет морально-этических критериев и негосударственных социальных регуляторов в построении правовой государственности», а также «отсутствие возведения концепции правового государства в абсолют, своего рода “культу” правового государства» (Карпов 2015: 894). Эти объясняется тем, что в дореволюционной юриспруденции не было четкого разграничения понятий права и закона. Соответственно, под правовым государством обычно понималось государство, связывающее само себя посредством закона, соблюдающее им же установленные процедуры правотворчества и правоприменения. Все содержательные требования к закону,

в свою очередь, считались метаюридическими, то есть выходящими за пределы юридической науки и имеющими нравственный характер. В этой связи не удивительно, что сам по себе идеал связанности государства правом воспринимался как относительный и подчиненный при этом нравственному идеалу.

Сильной стороной дореволюционных теорий является, на наш взгляд, то, что они не смешивают правовой и моральный идеал, но при этом четко фиксируют их соотношение. Сегодня принято различать формальные и содержательные концепции правового государства и верховенства права: первые ограничиваются формальными требованиями к законам, вторые предписывают им определенное содержание (Крайгир 2013: 478-479). В формальных концепциях отправной точкой современных дискуссий являются принципы, названные Л. Фуллером «внутренней моралью права» (Фуллер 2007: 47-116). В содержательных концепциях дискуссии разворачиваются в основном относительно понятия и перечня прав человека (а поскольку политические права являются частью таких прав, то дискуссии касаются и демократии). При этом позиции относительно существа и перечня прав человека, а также понятия и признаков демократии могут существенно отличаться и даже быть диаметрально противоположными. Соответственно, если понимать принципы правового государства и верховенства права широко, то все возникающие спорные вопросы приходится разрешать в рамках соответствующих доктрин. В результате, как отмечает Й. Раз, содержательные концепции стирают различия между верховенством права и прочими идеалами, фактически возводя его в ранг «законченной социальной философии» и тем самым лишая собственной специфики (Raz 1979: 211).

На наш взгляд, российская дореволюционная философия права может внести вклад в современные дискуссии о правовом государстве и верховенстве права. Речь идет о том, чтобы содержательные критерии права формулировать в рамках нравственной философии, а не философии права, тогда как идеал правового государства понимать исключительно как связанность государства собственным же законом. Данный шаг представляется продуктивным, поскольку позволяет сделать идеал правового государства более определенным, не смешивая его с другими идеалами (в этом вопросе мы полностью разделяем позицию Й. Раза).

Восприятие отечественными мыслителями правового государства как относительного идеала также представляется обоснованным и до сих пор актуальным, причем сразу по двум причинам.

Во-первых, в настоящее время приходится учитывать ограниченность права как социального регулятора. В этой связи В.Д. Зорькин констатирует: «В ядре общества модерна – почитание права. Превращение права в эффективную светскую религию. То есть своеобразный культ права и основанная на нем непрерывно социально подкрепляемая вера во всемогущество писаного закона и поддерживающих закон институтов. Вера в неподкупность судей, в способность правовой системы обеспечивать действительное равенство всех перед лицом закона» (Зорькин 2013: 28). Однако в эпоху пост-модерна эти идеалы подвергаются серьезной критике. Конечно, не всегда

она обоснована. Например, когда доктрины правового государства и верховенства права обвиняют в том, что они способствуют излишней зарегулированности всех сфер общественной жизни, или в том, что через принцип равенства перед законом маскируют социальное неравенство, имеет место неверная трактовка самих доктрин. Они никогда и не подразумевали, что правом должны быть урегулированы абсолютно все общественные отношения или что правовой идеал сводится к принципу равенства перед законом. Однако доктрины верховенства права и правового идеала, по крайней мере, предполагают, что государство должно действовать исключительно посредством права, то есть через определение подвластных субъектов, а также их прав и обязанностей. И именно здесь можно обнаружить их ограниченность.

Некоторые современные ученые полагают, что позитивное право в будущем может быть заменено «регулированием на основе данных», осуществляемым с помощью цифровых технологий (Рувинский 2023). Однако представляется, что такое регулирование все еще следует рассматривать как правовое, ибо оно основывается на нормативных предписаниях, исходящих от государства; меняются лишь способы правоприменения, становясь более автоматизированными, вследствие чего требуются новые способы защиты индивидом своих прав. Другое дело, что государство может использовать стратегию создания потребностей, целей и ценностей, не связанную с правовыми стимулами (поощрениями и наказаниями)³, то есть не прибегать к формулированию конкретных норм поведения, прав и обязанностей тех или иных субъектов. Кроме того, государство может делать ставку на «ручное управление», то есть не на общие правила, а на применимые лишь к конкретным ситуациям. Во всех указанных случаях оно руководствуется идеей целесообразности и эффективности, но при этом «нередко растворяется ведущая роль законов» (Тихомиров 2016: 8). Очевидно, что у неправовых («ненормативных») форм регуляции есть свои недостатки, но они становятся все более популярными сегодня, поэтому необходимо иметь в виду ограниченность идеалов верховенства права и правового государства.

Во-вторых, относительность идеала правового государства обусловлена тем, что право может быть несправедливым. Поэтому в отдельных случаях целесообразно ставить вопрос о его соблюдении. Подобные темы традиционно обсуждаются в рамках проблематики гражданского неповиновения. Однако при абсолютизации идеала правового государства или верховенства права трудно возразить что-либо на правомерные действия государства или же оправдать отдельные неправомерные действия подвластных лиц (то самое гражданское неповиновение). В зарубежной литературе осознание данного факта произошло только в процессе рефлексии над ужасами нацистского режима. Ключевой фигурой стал немецкий мыслитель Г. Радбрух, развивавший понимание права как воплощающего справедливость социального регулятора, а потому не считавший правовыми

³ Например, посредством агитации и пропаганды, экономической и культурной политики, выработки доктрин, проектов, стратегий и дорожных карт.

(а значит, подлежащими соблюдению) явно попирающие справедливость нормы. Согласно знаменитой «формуле Радбруха», сформулированной им в программной статье 1946 г., «когда действующий закон становится столь вопиюще несовместимым со справедливостью, что закон как “несправедливое право” отрицает справедливость... когда к справедливости даже не стремятся, а равенство, составляющее ее основу, сознательно отрицается в правотворческом процессе» (Радбрух 2004: 234), то закон в принципе не может считаться правом, а значит, нет никаких моральных оснований для его соблюдения. Эта идея оказала серьезное влияние на западную юриспруденцию, причем как континентальную (Р. Алекси), так и англо-американскую (Л. Фуллер)⁴. В российском же дореволюционном правоведении, проникнутом нравственным идеализмом, естественно-правовые идеи не только «возродились» намного раньше (пусть и под влиянием отдельных зарубежных авторов), но и приобрели большую популярность (Жуков 2017: 10, 28). Можно сказать, что отечественное правоведение выступило связующим звеном, переносящим идею нравственной критики права из последней трети XIX в. во вторую половину XX столетия.

Таким образом, идеалы правового государства и верховенства права имеют свои ограничения: 1) место самого права в государственном регулировании общественных отношений; 2) необходимость соотнесения ценности стабильного правопорядка с иными ценностями, которые государство на практике может игнорировать. Оба аспекта получили должное развитие в дореволюционной отечественной юриспруденции.

Возвращаясь к двум особенностям понимания правового государства – разграничение идеала правового государства и внеположного ему нравственного идеала; подчеркивание относительности идеала правового государства, можно сформулировать преимущество отечественного подхода к несправедливым законам. Дело в том, что если следовать «формуле Радбруха», то не подлежащими применению будут только явно несправедливые законы. Однако это не охватывает всех случаев, когда гражданское неповиновение выглядит морально оправданным. Так, например, возможна ситуация, при которой допустимо нарушение даже вполне справедливого закона с целью обратить общественное внимание на другой, несправедливый закон (например, нарушить правила дорожного движения, заблокировав дорогу, чтобы привлечь внимание к несправедливому повышению налогов для автовладельцев). Или возможна ситуация, при которой допустимо нарушение несправедливого закона, не являющегося крайне несправедливым. Например, если отсутствуют действенные легальные способы изменить этот закон, а негативные последствия его нарушения меньше, чем польза от несоблюдения. Правоведы, которые указывают на моральную недопустимость следования только крайне несправедливым («неправовым») законам, упускают из виду все эти возможности. В результате в государстве, где законы соответствуют «формуле Радбруха», где эти законы являются «правовыми», гражданское неповиновение в принципе невозможно

---

⁴ Более подробно см.: (Архипов 2015).

оправдать. Разграничение же права (которое бывает справедливым и несправедливым) и внеположного ему нравственного идеала, которому право должно соответствовать, открывает более широкие возможности по оправданию гражданского неповиновения (в том числе в правовых государствах и в части несоблюдения «правовых законов»), поскольку в этом случае нет ограничивающей завязки на понятии «неправо».

**Вклад отечественной юриспруденции:
социальный и религиозный уклон
в понимании общественного идеала**

В настоящее время распространены широкие (содержательные) трактовки верховенства права и правового государства, связанные с теорией прав человека, теорией разделения властей, демократической теорией и т.д. Представляется, что свой вклад может внести и нравственный идеализм российской дореволюционной юриспруденции.

В первую очередь отметим, что путь «от марксизма к идеализму» на рубеже XIX–XX вв. в том или ином виде прошли многие российские мыслители, в том числе С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, Н.А. Бердяев. В философии права идеализм стал одним из доминирующих направлений, что выразилось в феномене «возрождения» естественно-правовой теории. При этом можно условно разделить правоведов-идеалистов того времени на два основных (и отчасти пересекающихся) направления: неокантианское и религиозное. Как отмечает В.Н. Жуков, практически все представители естественно-правовой теории первой половины XX столетия в той или иной мере испытали на себе влияние кантовских идей (Жуков 2017: 10), но одновременно общей тенденцией стал их постепенный переход на религиозные позиции (Жуков 2017: 6). Кроме того, широкое распространение получили идеи социализма (Жуков 2017: 12). Примечательно, что и для И. Канта, и для христианской мысли (особенно в традиции исихазма, получившей распространение в России) человеческая личность имеет статус высшей ценности, что определяло либеральный уклон российской интеллигенции – признание прав личности, ограничивающих государственную власть, политических прав, обусловленных идеей народного суверенитета, и необходимости разделения властей. Влияние социалистической идеологии при этом способствовало отказу от классического либерализма в пользу социального. А поскольку православие рассматривалось многими как основа национальной правовой культуры и любых идеалистических построений в области права, наибольшее распространение получил консервативный либерализм (Жуков 2017: 8).

На базе этих общих характеристик сформулируем две более конкретные особенности российской философии права, которые можно расценивать как особый вклад в развитие содержательных трактовок правового государства.

Во-первых, признание социально-экономических прав человека, или прав человека второго поколения. В этой связи многих мыслителей можно

определить как социальных либералов (П.И. Новгородцев) или даже признающих «правду либерализма» социалистов (Б.А. Кистяковский, С.И. Гессен). Ключевой здесь является дискуссия о праве на достойное существование, начатая с подачи ряда зарубежных юристов (А. Менгер, Г. Еллинек)⁵, но довольно быстро поддержанная в России, о чем впервые написал В.С. Соловьев в конце XIX в. (Соловьев 1988: 421-423). И эта дискуссия продолжается до сих пор. Однако, на наш взгляд, проблема с правом на достойное существование состоит в том, что нельзя априори обосновать конкретный уровень гарантий, которые индивид вправе потребовать от государства: подобное обоснование в лучшем случае возможно только применительно к конкретным условиям времени и места. Но и тогда во внимание придется принимать не столько устоявшиеся представления о достойном существовании (как думали российские правоведы), сколько фактические возможности государства. Идея «равных стартовых возможностей», предлагавшаяся как критерий достойного существования (П.И. Новгородцев), также имеет свои изъяны, потому что полного равенства возможностей достичь практически нереально, а чрезмерные попытки обеспечить таковое неминуемо ведут к тоталитарному строю, отрицающему права человека. Тем не менее можно констатировать, что общая социальная направленность российской правовой мысли дореволюционного периода и связанное с этим понимание правового государства как социального (Фролова 2012) находились в рамках общемирового тренда развития теории прав человека, а идеал социального государства сохраняет актуальность и поныне.

Во-вторых, заслуживает внимания религиозно-нравственный уклон политико-правовых идеалов российских мыслителей (опять же заданный В.С. Соловьевым), видящих в православии основу национальной культуры. Казалось бы, в современных светских государствах религиозная философия права вряд ли может претендовать на значительную поддержку. Однако нынешний кризис международного правопорядка вновь делает главными субъектами международных отношений национальные государства, что обуславливает попытки последних актуализировать у своего населения общегражданскую национальную идентичность, обращаясь к тем или иным культурным традициям. Кроме того, кризис либеральной идеи ценностной нейтральности государства еще в 1980-е гг. обусловил на Западе академическую дискуссию либералов и коммунитаристов, а позднее – рост популярности гражданских республиканцев, мыслящих государство средством реализации не эгоистических интересов граждан, а общих целей и общего блага и подчеркивавших роль общественной солидарности. В этих новых условиях религиозный-нравственный и национальный уклон отечественных правоведов может представлять определенный интерес, что, конечно, не означает необходимости прямого заимствования их идей. Не стоит забывать, что подобный уклон, например, привел И.А. Ильина к отрицанию всеобщего избирательного права (Ильин 1993: 18-19), оспариванию правомерности какой-либо критики власти (Ильин 1998: 497), явно антилиберальному

---

⁵ Более подробно см.: (Сухобок 2022).

пониманию государства как «организатора» духовной жизни (Ильин 1994: 267) и, наконец, к комплиментарным высказываниям о фашизме, Б. Муссолини и А. Гитлере (Захарцев 2021). Однако в целом акцент на культурных традициях и общенациональной идентичности сегодня представляется актуальным.

Оба вышеназванных аспекта можно объединить в один, указав, что российские правоведы в духе своего времени переосмыслили феномен прав человека. Дело в том, что изначально они понимались скорее в негативном смысле, имея своей целью ограждение жизни человека от вмешательства других людей и самого государства. Однако со временем стали рассматриваться как средство, помогающее человеку развиваться в избранных им самим направлениях. И это потребовало известного позитивного вмешательства государства. Именно такое понимание прав человека и отстаивали отечественные правоведы, будь то «правовое социальное государство» (Б.А. Кистяковский), «православное правовое государство» (Н.Н. Алексеев) или другие подобные концепции. Вот почему, несмотря на неубедительность отдельных теорий, ключевые направления развития российской мысли по вопросу прав человека заслуживают в целом позитивной оценки. В дополнение стоит отметить, что обращение к философско-правовым концепциям отечественных мыслителей может быть актуально еще и потому, что большинство из них имеют гибридный характер, совмещая элементы трех «магистральных» политических идеологий – либерализма, консерватизма, социализма (Демин 2022: 29), и в этом смысле способны стать основой социального компромисса.

Заключение

По результатам проведенного экскурса в развитие доктрин правового государства и верховенства права можно сделать ряд выводов.

Во-первых, различия между правовым государством и верховенством права как нормативными идеалами часто преувеличиваются. Несмотря на то, что названные доктрины разрабатывались применительно к разным правовым семьям, они тождественны в своей сущности. Во-вторых, историю развития воззрений на соответствующий нормативный идеал следует реконструировать с опорой не только на западных, но и российских мыслителей.

Многие положения отечественной юриспруденции дореволюционного периода остаются актуальными и прогрессивными даже сегодня. Так, понимание правового государства как относительной идеи, подчиненной более высокому нравственному идеалу, позволяет: 1) не смешивать идеал правового государства с другими идеалами, придавая ему специфический (формальный) смысл; 2) увидеть возможности социального регулирования не только с помощью права и других нормативных регуляторов, но и принципиально иных средств; 3) теоретически обосновать допустимость несоблюдения права в отдельных случаях, не прибегая к нечетким определениям «неправового» закона. При более широком (содержательном) понимании

правового государства интерес представляет трактовка отечественными мыслителями прав человека как средства духовного развития личности, а не изоляции от общества и потакания любым желанием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архипов С.И. 2015. Правовые теории Роберта Алекси и Лона Фуллера // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». № 6. С. 5-16.

Виноградов В.А. 2013. Правовое государство и верховенство права: доктрины, конкуренция юрисдикций, обеспечение правовой свободы. Позиции Конституционного Суда РФ в отношении правового государства // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. Москва : ЛУМ : Юстицинформ. С. 373-395.

Грот Р. 2013. Германский Rechtsstaat в сравнительной перспективе // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. Москва : ЛУМ : Юстицинформ. С. 238-259.

Дедов Д.И. 2013. Доктрины верховенства права и правового государства как методология философии права // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. Москва : ЛУМ : Юстицинформ. С. 260-271.

Демин И.В. 2022. Понятие государства в философско-политических концепциях Сергея Гессена и Ивана Ильина: «правовой социализм» vs. «правовой консерватизм» // Политика. № 3. С. 28-47. DOI 10.30570/2078-5089-2022-106-3-28-47

Жуков В.Н. 2017. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. Москва : Проспект. 351 с.

Захарцев С.И. 2021. Ко Дню Победы в Великой Отечественной войне, или Что скрывает биография философа И.А. Ильина // Российский журнал правовых исследований. Т. 8, № 2. С. 95-102. DOI 10.17816/RJLS66471

Зорькин В.Д. 2013. Введение. Правовая трансформация России: вызовы и перспективы // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. Москва : ЛУМ : Юстицинформ. С. 19-75.

Ильин И.А. 1993. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2. Кн. 2. Москва : Русская книга. 480 с.

Ильин И.А. 1994. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4. Москва : Русская книга. 624 с.

Ильин И.А. 1998. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7. Москва : Русская книга. 608 с.

Карпов В.А. 2015. Интерпретация концепции правового государства в российском дореволюционном правоведении XIX – начала XX вв. // Право и политика. № 6. С. 892-897. DOI 10.7256/1811-9018.2015.6.15488

Крайгир М. 2013. Верховенство права (и Rechtsstaat) // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. Москва : ЛУМ : Юстицинформ. С. 470-491.

Недзел Н.Е. 2013. Верховенство права или Правовое государство: откуда мы пришли и куда мы идем? // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. Москва : ЛУМ : Юстицинформ. С. 108-148.

Пффордтен Д. 2013. Основы верховенства права и принципа правового государства (Rechtsstaat) // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. Москва : ЛУМ : Юстицинформ. С. 434-452.

- Радбрух Г. 2004. *Философия права*. Москва : Международные отношения. 238 с.
- Рувинский Р.З. 2023. Регулирование на основе данных: от верховенства права к публичным программам лояльности // *Антиномии*. Т. 23, № 1. С. 123-147. DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_123
- Соловьев В.С. 1988. *Оправдание добра* // Соловьев В.С. *Сочинения* : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 47-580.
- Сухобок Т.В. 2022. Влияние зарубежных учений о социальных правах на российскую политико-правовую мысль начала XX века // *Антиномии*. Т. 22, № 4. С. 91-109. DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_91
- Тидеманн П. 2013. Принцип Rechtsstaat в Германии // *Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире* / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. Москва : ЛУМ : Юстицинформ. С. 272-302.
- Тихомиров Ю.А. 2016. Новые векторы регулирования – «другое» право? // *Журнал российского права*. № 4. С. 5-15. DOI 10.12737/18682
- Ударцев С.Ф., Темирбеков Ж.Р. 2015. Концепции “Rule of Law” («верховенство права») и “Rechtsstaat” («правовое государство»): сравнительный анализ // *Государство и право*. № 5. С. 5-16.
- Фролова Е.А. 2012. Идеал социально-правового государства в отечественном неокантианстве (конец XIX – начало XX в.) // *Вестник Московского университета*. Серия: Право. № 1. С. 19-28.
- Фуллер Л.Л. 2007. *Мораль права*. Москва : ИРИСЭН. 308 с.
- Шарандин Ю.А., Кравченко Д.В. 2013. Верховенство права, правовое государство и другие международные правовые доктрины: лингвистические аспекты конвергенции и разграничения // *Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире* / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. Москва : ЛУМ : Юстицинформ. С. 303-311.
- Harden I., Lewis N. 1986. *The Noble Lie – the British Constitution and the Rule of Law*. London : Hutchinson. 288 p.
- Mohl R. von. 1866. *Die Polizei-Wissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaats*. Bd. 2. Tübingen : Laupp. 632 s.
- Raz J. 1979. *The Authority of Law: Essays on Law and Morality*. Oxford : Clarendon Press. 292 p.
- Stahl F.J. 1878. *Die Philosophie des Rechts*. Buch 4: Die Staatslehre und die Prinzipien des Staatsrechts. Heidelberg : Mohr. 721 s.

References

- Arkhipov S.I. The Legal Conceptions by Robert Alexy and Lon Fuller, *Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu juridicheskomu zhurnalu* [Electronic Supplement to “Russian Juridical Journal”], 2015, no. 6, pp. 5-16. (In Russ.).
- Dedov D.I. The Rule of Law and Legal State Doctrines as a Methodology of the Legal Philosophy, *Zorkin V.D., Barenboim P.D. (eds.) The Legal State and the Rule of Law Doctrines in Modern World*, Moscow, LUM & Justicinform, 2013, pp. 260-271. (In Russ.).
- Demin I.V. The Concept of the State in the Philosophical-Political Theories of Sergei Hessen and Ivan Ilyin: “Legal Socialism” vs. “Legal Conservatism”, *Politija* [Politeia], 2022, no. 3, pp. 28-47. (In Russ.). DOI 10.30570/2078-5089-2022-106-3-28-47
- Frolova E.A. The Ideal of a Social and Legal State in Russian neo-Kantianism (Late XIX – Early XX century), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 11: Pravo* [Moscow University Bulletin. Series 11: Law], 2012, no. 1, pp. 19-28. (In Russ.).
- Fuller L.L. *The Morality of Law*, Moscow, IRISSEN, 2007, 308 p. (In Russ.).

Grote R. The German Rechtsstaat in a Comparative Perspective, *Zorkin V.D., Barenboim P.D. (eds.) The Legal State and the Rule of Law Doctrines in Modern World*, Moscow, LUM & Justicinform, 2013, pp. 238-259. (In Russ.).

Harden I., Lewis N. *The Noble Lie – the British Constitution and the Rule of Law*, London, Hutchinson, 1986, 288 p.

Ilyin I.A. *Collected Works in 10 volumes, vol. 2, part 2*, Moscow, Russkaja kniga, 1993, 480 p. (In Russ.).

Ilyin I.A. *Collected Works in 10 volumes, vol. 4*, Moscow, Russkaja kniga, 1994, 624 p. (In Russ.).

Ilyin I.A. *Collected Works in 10 volumes, vol. 7*, Moscow, Russkaja kniga, 1998, 608 p. (In Russ.).

Karpov V.A. An Interpretation of the Concept of the Rule of Law in Russian Pre-Revolutionary Jurisprudence of the XIX – Early XX Centuries, *Pravo i politika* [Law and Politics], 2015, no. 6, pp. 892-897. (In Russ.). DOI 10.7256/1811-9018.2015.6.15488

Krygier M. Rule of Law (and Rechtsstaat), *Zorkin V.D., Barenboim P.D. (eds.) The Legal State and the Rule of Law Doctrines in Modern World*, Moscow, LUM & Justicinform, 2013, pp. 470-491. (In Russ.).

Mohl R. von. *Die Polizei-Wissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaats. Bd. 2* [Police Science According to the Principles of the Legal State. Vol. 2], Tübingen, Laupp, 1866, 632 p. (In German).

Nedzel N.E. Rule of Law v. Legal State: Where Have We Come From, Where Are We Going? *Zorkin V.D., Barenboim P.D. (eds.) The Legal State and the Rule of Law Doctrines in Modern World*, Moscow, LUM & Justicinform, 2013, pp. 108-148. (In Russ.).

Pfordten D. von der. On the Foundations of the Rule of Law and the Principle of the Legal State/Rechtsstaat, *Zorkin V.D., Barenboim P.D. (eds.) The Legal State and the Rule of Law Doctrines in Modern World*, Moscow, LUM & Justicinform, 2013, pp. 434-452. (In Russ.).

Radbruch G. *Philosophy of Law*, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, 238 p. (In Russ.).

Raz J. *The Authority of Law: Essays on Law and Morality*, Oxford, Clarendon Press, 1979, 292 p.

Ruvinskiy R.Z. Data-Driven Regulation: From the Rule of Law to Public Loyalty Programs, *Antinomii* [Antinomies], 2023, vol. 23, no. 1, pp. 123-147. (In Russ.). DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_123

Sharandin Y.A., Kravchenko D.V. Rule of Law, Legal State, and Other International Legal Doctrines: Linguistic Aspects of Their Convergence and Differentiation, *Zorkin V.D., Barenboim P.D. (eds.) The Legal State and the Rule of Law Doctrines in Modern World*, Moscow, LUM & Justicinform, 2013, pp. 303-311. (In Russ.).

Solovyov V.S. The Justification of the Good, *Solovyov V.S. Writings in 2 volumes*, Moscow, Mysl', 1988, vol. 1, pp. 47-580. (In Russ.).

Stahl F.J. *Die Philosophie des Rechts. Buch 4: Die Staatslehre und die Prinzipien des Staatsrechts* [The Philosophy of Law. Book 4: The Doctrine of State and the Principles of State Law], Heidelberg, Mohr, 1878, 721 p. (In German).

Sukhobok T.V. The Influence of Social Rights' Foreign Teachings on the Russian Political and Legal Thought at the Beginning of the 20th Century, *Antinomii* [Antinomies], 2022, no. 4, pp. 91-109. (In Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_91

Tidemann P. Rechtsstaat in Germany, *Zorkin V.D., Barenboim P.D. (eds.) The Legal State and the Rule of Law Doctrines in Modern World*, Moscow, LUM & Justicinform, 2013, pp. 272-302. (In Russ.).

Tikhomirov Yu.A. New Regulation Vectors – “Alternative” Right? *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 4, pp. 5-15. (In Russ.). DOI 10.12737/18682

Udartsev S.F., Temirbekov Zh.R. The Concepts of “Rule of Law” and “Rechtsstaat”: Comparative Analysis, *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2015, no. 5, pp. 5-16. (In Russ.).

Vinogradov V.A. The Legal State and the Rule of Law: Doctrines, Competition of Jurisdictions, and Safeguarding of Legal Freedom. The Positions Taken by the Constitutional Court of the Russian Federation Concerning the Legal State, *Zorkin V.D., Barenboim P.D. (eds.) The Legal State and the Rule of Law Doctrines in Modern World*, Moscow, LUM & Justicinform, 2013, pp. 373-395. (In Russ.).

Zakhartsev S.I. The Victory Day in the Great Patriotic War: What the Biography of the Philosopher I.A. Ilyin Hides, *Rossiiskij zhurnal pravovyh issledovanij* [Russian Journal of Legal Studies], 2021, vol. 8, no. 2, pp. 95-102. (In Russ.). DOI 10.17816/RJLS66471

Zhukov V.N. *Russian Philosophy of Law: From Rationalism to Mysticism*, Moscow, Prospekt, 2017, 351 p. (In Russ.).

Zorkin V.D. Introduction. Russia’s Legal Transformation: Challenges and Perspectives, *Zorkin V.D., Barenboim P.D. (eds.) The Legal State and the Rule of Law Doctrines in Modern World*, Moscow, LUM & Justicinform, 2013, pp. 19-75. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Александрович Шавеко

кандидат юридических наук, научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-5481-7425;
ResearcherID: K-4637-2018;
SPIN-код: 3004-0891;
E-mail: shavekonikolai@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai A. Shaveko

Candidate of Law, Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-5481-7425;
ResearcherID: K-4637-2018;
SPIN-code: 3004-0891;
E-mail: shavekonikolai@gmail.com